

Часть 1

На следующий день, воскресенье 15 марта, рассвет принес с собой пасмурное небо и мелкий моросящий дождь.

Сакута и Каэдэ встали в восемь часов и позавтракали тостами, яйцами, йогуртом и апельсиновым соком.

После завтрака они помыли посуду и включили телевизор, чтобы развеять тишину в комнате. Обзор главных новостей за неделю, спортивные передачи и последние новинки развлечений прошли мимо них, оставив очень слабое впечатление.

Незадолго до одиннадцати часов Сакута сказал:

— Пора собираться.

Настало время навестить мать.

— Точно, — ответила Каэдэ, слегка кивнув.

Она казалась напряженной. Ее движения были скованными, когда она пошла в свою комнату. Как только она скрылась из виду, Сакута направился к себе.

Он снял домашнюю одежду и надел футболку и джинсы, а сверху накинул толстовку. По словам синоптиков, их ожидала теплая весенняя погода, так что куртка ему скорее всего не понадобится.

Вернувшись в гостиную, Сакута понял, что Каэдэ все еще в комнате. Он слышал звуки, которые говорили о том, что она все еще переодевается.

Спустя добрых пять минут она наконец вышла. На ней было платье с бретельками, а поверх него простой кардиган. Одной ногой в мире взрослых. Ничего вычурного, но одета явно так, чтобы произвести впечатление.

— Я-я не очень странно выгляжу, а? — спросила она, как только их глаза встретились. Она все еще была очень напряженной.

— Только твое лицо, — сказал он.

— Я спрашиваю про одежду!

Даже ее хмурый взгляд был напряженным.

— Тебе ее Май дала?

— М-м.

— Тогда ты не можешь выглядеть странно.

— Если одежда хорошо смотрится на ней, это еще не значит, что и на мне тоже.

— Нам нужно выходить.

Не обращая внимания на ее протесты, он направился к двери.

— Ау, подожди!

Она побежала за ним. Он помедлил, чтобы она обулась, а затем взялся за ручку двери.

Он просто должен открыть ее, как делал всегда. Но сегодня все было по-другому. Сегодня это приведет их к матери. Впервые за два года.

Он открыл дверь.

Капли стучали вокруг, Сакута подстраивался под темп Каэдэ на спуске по холму от дома. Они шли чуть дальше друг от друга, чем обычно, чтобы зонтики не соприкасались. Шаг за шагом они приближались к станции.

Под зонтом звук дождя, барабанищего сверху, был ужасно громким. Дождь даже не был таким уж сильным, но в отсутствии других звуков стук действительно выделялся.

Ему показалось, что Каэдэ что-то сказала.

— М-м? — спросил он.

— Я сказала, что дождь в самом деле идет.

Каэдэ откинула зонтик в сторону и посмотрела на небо. Она выглядела разочарованной.

Сегодня был важный день.

Для большинства людей это было обычное воскресенье, но для них двоих это самый важный день за последние годы. Каэдэ надеялась на солнечный денек.

— Папа сказал, что это хорошо. Никакой аллергии.

— О. Может быть и так.

Каэдэ заставила себя согласиться, затем подняла на него глаза и неловко улыбнулась. Стресс, который она испытывала дома, все еще сохранялся; обычно ее улыбка не была такой натянутой.

Словно пытаясь успокоить нервы, она позвала:

— Сакута.

— М-м?

— По пути мы проезжаем станцию Йокогама, верно?

— Да.

Станция, казалось, постоянно находилась в стадии строительства. Возможно, эта стадия чуть дальше от «никогда не закончится» и ближе к «постоянно развивается». Он надеялся, что хотя бы раз в жизни увидит ее завершенной.

— И что там?

— Я хочу принести маме пудинг. Такой, как там в подвале, и в чашке.

— А, тот, что с крутым парнем на боку.

В детстве каждый раз, приходя за покупками на станцию Йокогама, они всегда брали его с собой домой. Сеть располагалась в Хаяме или Дзуси, но у них был филиал в универмаге Йокогамы.

— Маме он очень нравился.

— О? Я думал, что это ты его любишь.

— Да! Но мама тоже.

— Как скажешь.

Мивако только что заставила его понять, как мало он знает о своих родителях, а теперь его осенило, как мало он знает о том, что вообще нравится матери. Он смутно помнил, что она любит тыкву, но никогда не спрашивал об этом. Ему даже не приходило в голову спросить, и раньше это никогда не было проблемой.

— Поэтому я хочу снова угостить ее пудингом.

— Понял.

Наверняка она будет в восторге. По крайней мере будет знать, почему Каэдэ принесла его.

— И еще, Сакута...

— Немного сядь?

Эти китайские пельмени были основным блюдом на их обеденном столе после посещения Йокогамы. Они были хороши даже в холодном виде.

— О, я действительно хочу попробовать их снова. Но нет, речь не про них.

— Тогда что?

— ...

Каэдэ заговорила сама, но сейчас она около минуты просто смотрела в землю, не говоря ни слова. Просто глядела, как движутся ее ноги. Он взглянул на ее лицо, она выглядела очень озабоченной.

И он сразу понял, почему.

— Это мама предложила встретиться. Все будет хорошо, — сказал он для них обоих, глядя на дорогу впереди.

Уголком глаза он заметил, как она вздрогнула.

Он продолжал смотреть вперед.

— Откуда ты знаешь, Сакута?

— Это написано у тебя на лице.

— Что там написано?

— «Это я виновата, что у мамы такие тяжелые времена. Что, если она обидится на меня?»

Скорее всего, Каэдэ беспокоилась о том, что их встреча будет неприязненной, недоброжелательной или враждебной. Она не виновата в том, что хулиганы преследовали ее, но эти события стали той соломинкой, которая сломила их мать... и этот факт был неоспорим.

И вина Каэдэ сидела очень глубоко. Он не мог просто сказать ей, чтобы она перестала так себя чувствовать.

Несчастья привели их к этому моменту, но когда начинаешь винить себя в собственной слабости, трудно избавиться от этой мысли.

Каэдэ, конечно, не могла сделать это в одиночку.

Она всегда задавалась вопросом, жили бы они до сих пор вместе, если бы она была сильнее, если бы ей удалось победить хулиганов.

— Мама правда не сердится на меня?

— Она могла бы рассердиться, если бы слышала, что ты так говоришь.

— ...

— Я бы точно разозлился.

— М-м...

Каэдэ наконец-то подняла голову, но тревога осталась. Даже если он немного развеял ее страхи, она все равно очень переживала из-за визита.

Он не винил ее.

Вот насколько велик был раскол в их семье. Двухлетняя пропасть. Нельзя просто перепрыгнуть через нее и внезапно стать счастливым.

Поэтому нервы Каэдэ оставались натянутыми всю дорогу до станции Фудзисава и не успокоились во время поездки на поезде до Йокогама. Когда они сошли на станции Йокогама, зашли в универмаг и купили пудинг и сюмай (потому что почему бы и нет), она улыбалась, но очень натянуто.

Чем ближе они подъезжали к месту назначения, тем меньше она говорила. После посадки на линию Кэйхин-Тохоко она почти совсем перестала говорить.

— Мы пересядем на другой поезд на следующей остановке.

— ...

Теперь она просто молча кивала.

Они сошли на станции Хигаси-Канагава и перешли на линию Йокогама, которая довезла их до Хатиодзи. Линия Йокогама — довольно странное название для поезда, который не останавливался на станции Йокогама. На самом деле по этой линии ходило несколько сквозных поездов, которые останавливались там, но... если не знать этого, то можно запутаться.

Каэдэ села в пустой вагон, осторожно держа коробку с пудингом. Ее взгляд был устремлен в окно, но, скорее всего, она ничего не видела. Вероятно, ее голова была забита мыслями о матери.

Сакута решил ничего не говорить. Он думал, что с ней все будет в порядке, даже если она сейчас не уверена. Возможно, она нервничает, но уже прошла тот этап, когда это могло остановить ее.

Может, она двигалась к матери и не быстро, но зато в своем собственном темпе. По своей собственной воле.

Это была десятиминутная поездка на серебристом поезде с желто-зеленой полосой по бокам. Снаружи виднелось огромное здание. Круглое и высокое, явно не офисное или жилое.

Это был Международный стадион Йокогама, где играла сборная Японии по футболу и где проходил финал чемпионата мира. В наши дни он назывался «Стадион Ниссан». Из-за отсутствия других крупных зданий вокруг стадиона он очень выделялся.

Когда поезд подъехал к станции Козукуэ, ближайшей остановке к стадиону, Сакута сказал:

— Здесь.

И они сошли.

Выйдя за ворота, они направились к южному выходу, в сторону от стадиона. Дойдя до главной магистрали, они повернули направо и некоторое время шли по дороге.

Дождь теперь лил сильнее. Капли, брызжащие на мостовую, промочили обувь. Каздэ ничуть не роптала и просто пряталась под зонтиком, изо всех сил стараясь сохранить пудинг сухим. Как наседка, пытающаяся обогреть яйца на холодном ветру.

Он знал, что она с нетерпением ждала возможности снова поесть пудинг с мамой и не собиралась позволить небольшому дождю все разрушить.

Некоторое время они шли по дороге, а потом он подал знак свернуть направо в переулок.

— Почти прибыли.

— М-м...

Верный своему слову, Сакута провел их еще около пяти метров. Грязная земля хлюпала под ногами.

— Здесь?

Каздэ остановилась и посмотрела на здание. Это был старый трехэтажный жилой дом. Снаружи его покрасили свежей краской, но наружная лестница и общая атмосфера говорили о том, что он был построен очень давно.

Сакута был здесь уже во второй раз.

Он приезжал сюда однажды, вскоре после того как они стали жить отдельно. Тогда он решил, что должен хотя бы знать, где живет отец. Тот сказал, что здание было жильем для рабочих, построенным сорок лет назад.

Лифта не было, им пришлось подниматься на третий этаж по лестнице.

Снаружи квартиры 301 висела крошечная карточка с надписью АЗУСАГАВА.

— Готова? — спросил он, положив палец на кнопку звонка.

— Е-еще нет! — прошептала она, и ее охватила мгновенная паника.

— Ладно, — сказал он, все равно позвонив в дверь.

— С-Сакута! — взывала Каэдэ, смотря на него как на предателя.

— Чем дольше тянуть, тем труднее будет.

Если бы ожидание расслабляло людей, они бы никогда не испытывали стресс.

— Н-наверное... — сказала она, явно не совсем убежденная. — Но ты ведь сам спросил.

Она бы накричала на него, если бы он этого не сделал. Вот почему он спросил, хотя бы для проформы. Очевидно, она не понимала, насколько внимательным был ее брат. Как печально.

Пока он сетовал на это, засов повернулся и дверь распахнулась внутрь.

— Промокли? — спросил отец. Сегодня у него выходной, но он был в рубашке и брюках. Если бы еще надел галстук, то хоть сейчас на работу.

— Даже носки промокли, — пожаловался Сакута.

Отец распахнул перед ними дверь, и Сакута махнул Каэдэ рукой.

Она шагнула внутрь, и Сакута последовал за ней. Дверь закрылась. Они сняли обувь и носки, отец дал им тапочки. Они надели их на босу ногу.

— Спасибо, что пригласил нас, — прошептала Каэдэ так тихо, что никто не услышал.

Их отец жил здесь, так что в каком-то смысле это был и их дом тоже. Но тут не пахло домашнему, и было чувство, что им здесь не место. Как будто они были в гостях у незнакомого человека.

Отец тоже выглядел немного неуверенным, но быстро взял себя в руки и повел их дальше. Сегодняшний день был посвящен другим делам.

— Дорогая, здесь Каэдэ и Сакута, — объявил он.

Между входом и главной комнатой висели занавески, загораживая обзор.

— ...

Он почувствовал, как Каэдэ снова напряглась.

Надеясь расслабить ее, он подошел к ней сзади и положил руки на плечи. Сакута почувствовал, как плечи дернулись, и она оглянулась на него.

— Давай, — сказал он.

— М-м...

Как только она ответила, он слегка подтолкнул ее.

Это была квартира с двумя спальнями. От входа вел короткий коридор, за занавесками находилась столовая.

И Каэдэ, собрав волю, шагнула внутрь.

По ту сторону занавесок стоял обеденный стол и стулья, на одном из которых сидела женщина. Она выглядела немного изможденной. Худее, чем Сакута ее помнил. На мгновение она показалась меньше ростом, но волосы струились по плечам как раньше — это несомненно была их мать.

— Мама, — сказала Каэдэ.

Взгляд матери оторвался от стола, метнулся вправо-влево, потом остановился на Каэдэ.

— Мама, — повторила Каэдэ. На этот раз громче.

— Каэдэ...

Ее голос был хриплым. Если бы он не прислушивался, то мог бы и не расслышать. Но Сакута услышал его, отец услышал, и Каэдэ тоже.

— М-м. Это я, мама.

Каэдэ сделала к ней шаг. Потом еще один. Она поставила коробку с пудингом на стол, а затем обошла его и приблизилась к матери, протягивая руки.

— Мама... — сказала она со слезами в голосе. Словно забыв все остальные слова, она продолжала повторять. Как будто пыталась наверстать два года, в течение которых никогда не произносила это слово.

И мать каждый раз кивала.

— Мама...

— М-м...

— Мама...

— М-м...

— Мама.

— Каэдэ, ты уже говорила это.

— Я знаю...

— Ты так выросла.

— Да.

Мать взяла полотенце и вытерла слезы с лица дочери.

— Ты обрезала волосы, — сказала она, положив руки на плечи Каэдэ и оглядев ее.

— Это плохо? — Каэдэ потрепала свои локоны.

— Нет. Так ты смотришься намного взрослее.

Каэдэ выглядела облегченно, смущенно и радостно.

— Эм, я сделала это в месте, которое посоветовала Май... Май — девушка Сакуты. У него есть девушка! Шокирует, да? В общем...

Как только Каэдэ начала говорить, ее уже было не остановить. Слова и чувства хлынули из нее потоком.

Два года они прожили порознь.

Еще четыре месяца прошло с тех пор, как Каэдэ преодолела диссоциативное расстройство.

Это было долгое время, и с ней многое произошло. Она вернулась в школу. Справилась с экзаменами. Выбрала свое будущее. У нее был целый запас «дел, которые я выполнила сегодня», о которых она всегда рассказывала маме.

Она могла говорить и говорить и никогда не замолкнуть, никогда не сбиться.

Им сказали, что первый визит лучше ограничить часом или двумя, но, когда Сакута впервые подумал проверить часы, оказалось, что они намного превысили рекомендованное время. Они пробыли здесь уже целых три часа.

Каэдэ все это время болтала, но теперь у нее заурчало в животе.

— Еще рановато, но давайте ужинать, — сказала мать.

И впервые за много лет они сели за стол вчетвером. Отец помогал Сакуте готовить, и они разогрели сюмай, который он принес.

Даже во время ужина Каэдэ не переставала говорить. «Я хочу снова есть твои крокеты, мама. Я помогу их сделать!» и «Звучит неплохо. Давай так и сделаем». Они просто продолжали сближаться. Казалось, что время, которое было заморожено между ними, снова оттаивает.

На десерт у них был пудинг, который Каэдэ так заботливо донесла сюда.

— Вкусно.

— М-м, правда.

И мать, и Каэдэ, наслаждаясь напоминанием о былых временах, вдруг разрыдались без предупреждения. Они снова стали семьей.

Мать показалась Сакуте намного здоровее, чем была с утра, когда они приехали. В ее глазах снова была жизнь.

Совсем недавно он и надеяться не смел, что наступит такой день. Казалось, что до нормальной семьи еще очень далеко.

Но Каэдэ пыталась изменить это, пыталась вернуть то, что они потеряли.

И это делало Сакуту очень, очень счастливым.

Не успели они оглянуться, как пробило восемь.

Сакута с отцом помыли посуду, а когда закончили, Каэдэ все еще болтала без умолку, рассказывая матери о том, куда она решила пойти в старшую школу.

Никто, казалось, не хотел закругляться.

Отец, видимо, решил, что это должен сделать он, и незадолго до девяти сказал:

— Уже ужасно поздно...

Очевидно, ответ матери был неизбежен.

— Почему бы тебе не остаться на ночь?

Она улыбалась Каэдэ.

— Можно? — спросила Каэдэ.

— Конечно.

— Сакута?..

Каэдэ, казалось, не была уверена, что это ее выбор, и повернулась к Сакуте и отцу. Сакута посмотрел на отца, чтобы убедиться. Судя по настроению матери, ночевка Каэдэ не казалась чем-то особенным. Вероятно, это даже к лучшему.

Выпускной в средней школе закончился. Завтра занятий не будет. У Каэдэ были весенние каникулы. Никто не стал бы ругать ее за то, что она провела ночь с семьей.

Отец на мгновение задумался и сказал:

— Конечно, давайте так и сделаем.

Они хотели уважить желание матери.

— Сакута? — спросила Каэдэ.

— Я собираюсь вернуться. Надо покормить Насуно.

А у него была школа. Скорее всего, они получают только оценки за экзамены на прошлой неделе... но даже в этом случае нельзя оставлять кошку на произвол судьбы.

— Ты мог бы привезти Насуно сюда.

— Как она?

— Отлично.

— Ты можешь привезти ее в следующий раз, — предложил отец.

— Здесь можно держать домашних животных?

В домах для рабочих часто не разрешают этого.

— Если я предупрежу заранее, они, возможно, разрешат на одну ночь.

Это был окольный путь к отказу.

— Тогда я лучше пойду, — сказал Сакута, вставая.

— Береги себя.

— Позаботься о маме.

— Хорошо.

Он двинулся к двери и надел обувь.

— Я еще приду, мама, — сказал он, прежде чем выйти на улицу. Он даже не забыл о зонте.

Отец надел сандалии и последовал за ним вниз.

— Дождь прекратился.

Над головой все еще висели тучи, но дождь уже не капал.

Воздух был свежим, словно из него вымыли всю грязь.

— Спасибо, Сакута.

— М-м.

Он не был уверен, за что именно его поблагодарили, но решил, что если это будет сказано вслух, то атмосфера станет чересчур неловкой.

И все же он вроде как понял. Все четверо снова были вместе. Пусть всего на несколько часов, но это было время, которое, как они раньше думали, никогда больше не наступит. Возможно, для людей, не знавших их, это не казалось чем-то особенным, но для семьи Сакуты это было настоящим чудом. Он был уверен, что именно это стало причиной благодарности отца.

Простые слова могли значить так много.

— Скажи это Каэдэ.

— Скажу.

— Она будет в восторге.

— Да.

— ...

— ...

— Я лучше пойду.

Он развернулся.

— Сакута, — окликнул отец.

— М-м?

— Я хотел подарить тебе это, — сказал он, протягивая тусклый серебряный ключ.

— От?.. — Сакута взглянул на квартиру наверху.

— Да. Он может тебе понадобиться.

— Хорошо. Спасибо.

Он взял ключ, еще теплый от прикосновения отца. Затем помахал рукой. На этот раз он действительно уходил.

— Береги себя.

— Береги маму и Каэдэ.

Они расстались просто, и Сакута направился к станции. Он знал, что отец следил за ним, пока он не исчез из виду. Но Сакута не обернулся, пока не скрылся за углом.

Он не знал, какое выражение было бы на его лице, и отец, скорее всего, тоже не знал бы, как реагировать.

Но Сакута шел вперед, чувствуя себя намного позитивнее, чем обычно.

Эта радость не покидала его всю дорогу домой.

По дороге на станцию.

Во время ожидания поезда.

Во время пересадки на другую линию.

Когда он смотрел на проплывающие за окном пейзажи.

Тело настолько наполнилось радостью, что внутри пульсировало тепло, наполняя энергией, наполняя паруса.

Но это была совсем не та радость, от которой хочется импульсивно броситься бежать или громко кричать.

Это было что-то настолько чуждое, что разум и тело медленно выходили из-под контроля.

Как это было печально!

Произошло что-то хорошее, и он был так ошеломлен, что даже не смог как следует насладиться послевкусием.

В этом смысле он был рад, что Каэдэ осталась на ночь. Он сомневался, стоит ли разговаривать с ней в таком состоянии. О чем бы они ни говорили, его голова будет занята не этим.

Он посмеялся над собой за эти мысли. Тихо — потому что иначе другие пассажиры сочли бы его чудаком. Поэтому он сделал невозмутимый вид и просто стоял у двери и глядел в окно до самой Фудзисавы.

Выйдя из поезда, он посмотрел на часы на платформе. Было почти десять.

Он обошел очередь на эскалатор и спустился по лестнице.

Каэдэ, вероятно, все еще разговаривала с матерью. А может быть, они готовили ванну. Они могли бы мыться вместе, как раньше.

Размышляя в таком духе, он неторопливо шел шаг за шагом.

Один день восполнил двухлетний пробел. Каэдэ так легко соединилась с матерью, что казалось, будто они никогда и не расставались.

Потому что они были семьей.

— Может быть, мы снова будем жить вместе.

Этот день мог наступить гораздо быстрее, чем он думал. Сегодняшние теплые улыбки создавали ощущение близости такого будущего.

Каэдэ улыбалась, наполовину сквозь слезы. Мать слушала ее и вытирала слезы, наворачивающиеся на глаза. Сцепив руки, эти двое постоянно улыбались, плакали, потом снова улыбались. Снова и снова. Отец был так тронут этим зрелищем, что чуть не прослезился сам и усмехнулся, чтобы скрыть это, а потом отлучился в ванную, когда скрывать уже не получалось. Так много тепла.

Сакута видел, чувствовал то, что называлось семейными узами.

За воротами, на обратном пути домой, даже когда он заглянул в магазинчик, его не покидало чувство радости.

Вернувшись в квартиру, он сказал: «Я вернулся» и снял ботинки, чувствуя некоторое

облегчение. Когда они уходили утром, все было так напряженно, но теперь это чувство исчезло.

Насуно услышала его возвращение и выглянула из гостиной, мяукая.

— Я вернулся, Насуно. Ты голодна?

— Мряу.

Он вымыл руки, прополоскал рот и прошел в гостиную. Насуно терлась о его ноги, и он насыпал ей в миску немного корма.

Она принялась за еду, он немного понаблюдал за ней, но вскоре вспомнил о прошедшем дне и снова заерзал.

Очевидно, возвращения домой было недостаточно для успокоения.

Как будто этого было недостаточно, Май позвонила, когда он принял ванну, и каким-то образом они проговорили целых полчаса. Эти звонки никогда не длились больше десяти минут.

Он заранее предупредил Май, что сегодня они навещают мать, и рассказал ей, как все прошло.

Он упомянул, как нервничала Каэдэ по дороге. Она переживала из-за встречи с самого вечера, а может быть, и с тех пор, как о ней впервые заговорили.

Сакута был уверен, что после их встречи наступит долгое, неловкое молчание. Он ошибся. Каэдэ не понадобилась помощь ни Сакуты, ни отца; она сразу же нырнула вглубь, снова соединилась с матерью и сделала все возможное, чтобы наверстать два упущенных года.

И пока он рассказывал об этом Май, время летело незаметно.

Май внимала каждому слову.

— Каэдэ молодец, — сказала она.

— Да.

— Я рада.

Для нее это тоже было важно. Он чувствовал это даже по телефону. Май было очень приятно

разделить с ним эту радость. Она была рада, что у Каэдэ с матерью все получилось. А Сакута был счастлив, что она думает о них.

— Прости, Май, я немного заболтался. Спасибо.

— Не беспокойся. Я хотела обо всем узнать. Кроме того, я уже подготовилась к завтрашним съемкам.

Она запомнила все свои реплики.

— Ты вернешься в четверг?

— Планирую.

— Я буду ждать с нетерпением.

Он намекнул на их обычное подтрунивание, чтобы завершить разговор.

— Спокойной ночи, Сакута.

— Спокойной ночи.

И разговор подошел к концу.

Часть 2

Пожалуй, это было неизбежно, но накануне вечером ему не удалось заснуть. Что-то в глубине души тихо бурлило, и Сакута погрузился в дремоту лишь после трех часов ночи.

Однако проснулся он легко. Сознание ожило, когда зазвонил будильник, и Сакута тут же сел, протянул руку и выключил его, встал с кровати и потянулся.

Хнгг-зевок

Каждый его мускул напрягся, затем расслабился. Еще один шаг к полному сознанию.

Он направился в гостиную, но там была только Насуно. Стояла странная тишина, которую он чувствовал всей кожей.

Без Каэдэ вся атмосфера в квартире изменялась.

Он не первый раз просыпался дома один, но такое случалось нечасто, и все равно это было странно.

Обычно Каэдэ была здесь — и другая Каэдэ до нее.

— Мяс.

Насуно терлась о его ноги, и он дал ей завтрак. Затем съел что-то сам. Поскольку Каэдэ не было, он не стал поджаривать тосты и просто откусил от целого помидора, а не нарезал его. Он даже не достал тарелку — съел все прямо на кухне, не оставив грязной посуды. Хлеб застрял в горле, поэтому он запил его апельсиновым соком.

У него оставалось несколько свободных минут, поэтому он включил телевизор и позволил утренним новостям заполнить слух, пока медленно собирался в школу.

Он вышел незадолго до восьми.

До станции шел обычным путем. Этим утром к нему присоединились молодая женщина в брючном костюме и парень студенческого возраста. Они оба постоянно проверяли телефоны, постукивали по экрану и с трудом избегая телефонных столбов. Студент таки столкнулся с одним столбом и извинился перед ним.

Ничего особенно необычного. Привычные утренние сцены.

Скорее всего, Сакута увидит подобное по дороге в школу завтра и послезавтра.

Он видел то же самое и на прошлой неделе.

Типичные, обычные, ничем не примечательные утренние пейзажи.

Утренняя рутина, от которой никуда не деться.

Но всему приходит конец.

Через год Сакута закончит школу. А до этого, возможно, его семья решит, что им стоит снова жить вместе. Возможно, он переедет из этого района скорее раньше, чем позже.

Их с Каэдэ квартира была слишком мала для четверых. Но и рабочая квартира отца была не больше.

«Не забегай вперед», — сказал он себе, но не мог остановить мысли.

Увидев Каэдэ и маму вместе, он подумал, что их совместный переезд близок настолько, что можно дотронуться до него.

«Думаю, мы перейдем этот рубеж, когда придет время».

Если быть честным с самим собой, ему было трудно представить жизнь в другом месте. Он не мог теперь вообразить себя и Каэдэ живущими с родителями, хотя до того, как за ней пришли хулиганы, это было обычным делом.

«Что будет, то будет».

Что-то так и происходит. Например, он и другая Каэдэ переехали сюда два года назад. Со временем жизнь наедине с сестрой стала для него обыденностью.

Так что даже если все изменится, ему придется просто жить без сожалений. Не делать ничего необычного, просто осознавать, что обычные дни — это и есть определение счастья. Пока он помнит об этом, все будет хорошо.

С этими мыслями Сакута дошел до станции Фудзисава за десять минут.

Он перешел по мосту от станции JR к станции Эноден-Фудзисава и сел в поезд, который был полон учеников его возраста. Он держался за ремень, раскачиваясь вместе с поездом. Поезд Энодэн двигался медленно и раскачивался в такт. Это было очень удобно.

После станции Косигоэ поезд выехал на побережье.

Все это время линия шла между рядами домов, но теперь перед пассажирами внезапно открылся вид на океан. Утренние лучи отражались от поверхности, заставляя воду блестеть.

Он рассеянно смотрел на море, пока поезд не достиг станции Шичиригахана, где находилась его школа.

В этот час почти все ученики выходили из поезда. Может быть, и один-два учителя тоже.

Ворота стояли как пугала. Он отсканировал проездной, и служащий проводил его приветливым «Доброе утро».

Путь от станции до ворот школы представлял собой реку униформы. Смешавшись с потоком, Сакута пересек мост и железнодорожные пути, затем прошел через открытые ворота.

У входа он увидел своего друга Юму Куними, но тот был с Саки Камисато, которая ненавидела Сакута до глубины души, поэтому он направился в класс, не окликнув их.

Он дошел до комнаты 2-1, ни с кем не вступив в разговор.

Комната была уже наполовину заполнена, в ней кипела школьная болтовня. Друзья болтали без умолку, смеша друг друга.

Не обращая на них внимания, Сакута занял место у окна. Небо было ясным, горизонт четко очерчен.

Когда прозвенел звонок, ученики-спортсмены прибежали с утренней тренировки. Их учитель был уже на месте.

«Все, кого называю, поднимите руку», — сказал он и быстро отметил присутствующих, после чего завершил утренний классный час.

Выпускные экзамены второго года обучения закончились на прошлой неделе, и все, что ученики делали сейчас, — возвращали листы с ответами. Занятия проходили только по утрам, и ни учителя, ни ученики особенно не старались. Они просто досиживали конец года. Вся школа работала на автопилоте.

Сакута тоже хотел бы полениться. Но, даже когда выпускные экзамены закончились, он должен был продолжать учиться. Необходимо подготовиться к вступительным экзаменам в университет в следующем году.

Он достал словарь и начал работать над своей ежедневной нормой запоминания. Он услышал, как кто-то сказал: «Похоже, скоро мы сменим класс...», но не был уверен, кто именно. Да и неважно.

Это была обычная болтовня на перемене. Ему пришло в голову, что Томоз, наверное, будет переживать, но эта мысль тут же улетучилась.

Обычный, заурядный день. Класс 2-1 был таким же, как и всегда.

И поэтому Сакута оставался в блаженном неведении относительно того, что случилось.

Неправильность обнаружилась вскоре после начала первого урока.

Преподаватель английского языка раздал листы с тестами по порядку, по номерам мест... но поскольку фамилия Сакуты была Азусагава, он должен был стоять первым в очереди.

Но его имя так и не появилось.

— ?..

Первым было названо место номер два, за ним три и четыре.

Он не торопился, поэтому решил, что спросит позже.

В конце концов, все листы с ответами были розданы. Некоторые были довольны результатами, другие кричали: «Я обречен!»

Сакута встал и подошел к кафедре.

— Вы пропустили меня, — сказал он.

Но учитель проигнорировал его.

— Начнем с первой задачи! — объявил он, повернувшись к доске, и стал писать.

— Э-э, мне вроде как нужно вернуть мой тест? — сказал Сакута.

Учитель повернулся с мелом в руке.

— Многие пропустили этот момент в тесте! — сказал он.

Его внимание было сосредоточено только на ответах и на том, что ученики сделали неправильно.

Он полностью игнорировал присутствие Сакуты. Нет, не так. Учитель не игнорировал его. Игнорирование требует сознательного выбора. А это была принципиально иная проблема, что становилось все более очевидным.

Учитель английского явно не слышал голос Сакуты.

Или вообще не видел Сакуту, если уж на то пошло.

Сакута встал прямо перед его лицом, размахивая рукой перед глазами. Никакой реакции.

Он положил руку на плечо учителя, но тот даже не вздрогнул.

Не последовало даже рефлекторной реакции.

И дело было не только в учителе. Никто в классе 2-1 не реагировал на действия Сакуты.

— Кто-нибудь видит меня? — воскликнул он, широко раскинув руки.

Никто не ответил. Никто не скорчил гримасу и не засмеялся. Одни ученики прилежно слушали объяснения учителя, другие играли в телефоны под партами. Саки Камисато всегда первой усмехалась над выходками и вспышками Сакуты, но сейчас она просто записывала пропущенные задачи.

— Значит, вы действительно не видите и не слышите меня?

Он сказал это еще громче, чтобы убедиться. Достаточно громко, чтобы заглушить учителя — практически выкрикнул.

Но все равно никто не заметил.

Никто не попросил учителя повторить.

— Что происходит?..

Все, что он понял, это то, что никто его не видит.

И не слышит.

Или не знает о его существовании.

Точь-в-точь как «Подростковый синдром», который был у Май в прошлом году...

Он предположил, что так оно и есть.

Его не пугала сама природа этого явления. Он просто не знал, почему это произошло именно с ним.

Он пришел в замешательство и растерянность.

Несомненно, это был своего рода «Подростковый синдром». Сакута был готов признать это. Понятно, что никто не мог его видеть, поэтому ему пришлось принять правду. Но он понятия не имел, что могло стать причиной.

Все его предыдущие опыты с «Подростковым синдромом» происходили не просто так. Это было верно для Май, Томоэ, Рио, Нодоки, обоих Казэдэ и Сёко.

Со мной что-то случилось?

Что-то, что могло случайно вызвать «Подростковый синдром»? Что-то, что действительно овладело разумом?

— ...

Он думал.

Но ничего, буквально ничего не приходило на ум.

Сакута встречался с самой милой девушкой на свете, как он и сказал, когда спрашивала Рио. Казэдэ делала успехи. У него не было проблем. Он жил насыщенной, полноценной жизнью. Сакута должен быть настолько далек от «Подросткового синдрома», насколько вообще возможно.

Однако его положение явно говорило об обратном.

Было ли это что-то вроде инцидента с Томоэ, когда его втянули в чужую проблему? Правда, он не надирал задницы другим девушкам.

Пока Сакута стоял у кафедры и размышлял, остальные в классе спокойно просматривали результаты экзаменов.

Надо бы посмотреть, как далеко это зайдет.

Возможно, кто-то все еще может его увидеть.

Не обращая внимания на урок, Сакута открыл дверь и вышел в коридор. Учитель не крикнул ему вслед. Никто из одноклассников не смотрел в его сторону шокированными глазами.

Он спокойно открыл следующую дверь, ведущую в комнату 2-2. Специально хлопнул ею, но

никто не повернулся в его сторону.

То же самое было и с 2-3, и с 2-4.

Рио слушала учителя физики с довольно скучающим видом. Юма подавлял зевок, пытаясь не заснуть, пока говорил учитель японского.

Он посетил все классы в своем потоке, и ни один человек не заметил его.

Ну и дела.

Он вышел из последнего кабинета, 2-9, и направился вниз по лестнице в 1-4.

Класс Томоэ. Они уже надирали друг другу задницы, и это давало ему надежду.

— Приве-е-ет, — протянул он, открывая дверь. Он подумал, что если Томоэ увидит его, то будет шокирована, так что нужно продемонстрировать элементарную вежливость. Но ему не стоило беспокоиться.

Первогодки ничем не отличались от остальных.

Никакой реакции.

От появления Сакуты учитель не прекратил писать на доске, а тридцать шесть учеников не подняли шум.

Реакция Томоэ ничем не отличалась от остальных. Сакута посмотрел на ее результат в 62 балла, она ничуть не выглядела расстроенной. Стыдоба.

Если Кога вылетела, это чертовски плохо...

Но он не чувствовал себя настоящим.

Волна паники не охватила его. Казалось, было слишком поздно, чтобы испытывать шок.

Что ж, наверное, я сделаю то, что смогу.

Он вышел из класса Томоэ и направился к выходу. У входа в канцелярию он потянулся. Сотрудница сидела за столом за окном кабинета, но не подняла глаз, когда он проходил мимо.

Можно было подумать, что блуждание по коридорам во время занятий вызовет к нему хотя бы вопросы.

Но он пришел не для разговоров с ней, поэтому и не стал обращать внимание.

Ему нужны были телефоны, стоявшие рядом с ее столом.

Сакута поднял трубку, бросил в аппарат монету в десять иен и набрал одиннадцатизначный номер.

Он уже давно выучил номер Май наизусть.

Набрал последнюю цифру и поднес трубку к уху. Но гудка не было. Он нажал на переключатель и повторил попытку. По-прежнему ничего.

Он попробовал набрать номер Нодоки, но результат был тот же.

Монета в десять иен вернулась в карман.

Ну, черт.

Больше он ничего не мог сделать. Никаких признаков того, что ситуация улучшится или хотя бы изменится. Он ничему не научился и ничего не понял.

Может быть, за пределами школы его кто-нибудь увидит, но он уже перестал быть таким оптимистом.

Май была в Яманаси, снималась в телесериале. Если он не мог даже позвонить ей, надеяться на остальное бессмысленно.

Все сводится к поиску причины.

Если бы он мог понять причину, то решение могло бы появиться само собой.

Если он не сможет, то с этим поделать нечего.

Сакута снова искал ответы внутри себя.

По крайней мере, все видели его вчера. Они с Каэдэ навестили мать, а вечером позвонила Май.

Перемена произошла за одну ночь.

Изменилось ли что-нибудь за это время?

...

На ум приходило одно.

Одна большая перемена вчера.

Его семья воссоединилась после двух долгих лет.

Честно говоря, в жизни мало что имело бы такое большое значение.

Но он не мог увидеть тут связь с «Подростковым синдромом». Соединение семьи вместе, конечно, было важным событием. Они сделали этот шаг накануне.

И что в этом плохого?

После двух долгих лет все проблемы у него, Каэдэ и родителей наконец-то начали решаться. Каэдэ упорно трудилась ради этого, а мать, вероятно, преодолела собственную долю трудностей. Сакута и отец помогали им в этом деле. Они надеялись, что когда-нибудь их семья сможет снова быть вместе, принимая это день за днем...

И их желания наконец-то начали сбываться.

Сакута и представить себе не мог, что это приведет к «Подростковому синдрому».

Но также верно и то, что с ним больше ничего не случилось.

Если отбросить эмоции в сторону и основываться исключительно на имеющихся фактах... Это, безусловно, была самая большая разница между вчера и сегодня.

Они встретились с матерью.

— Я лучше пойду...

От пребывания в школе лучше не становилось. У него не было выбора.

Каэдэ, должно быть, все еще с матерью. Он должен проверить, видит ли она его.

Он снова поднялся в класс 2-1. Учитель английского все еще разбирал экзаменационные задачи, но Сакута проскользнул мимо него и схватил свою сумку.

— Уйду пораньше, — сказал он и вышел за дверь.

У шкафчиков он переобулся, поставил школьную обувь внутрь, закрыл дверцу и почувствовал, как дрожь пробежала по телу.

Он весь напрягся.

Но почему?..

...

Сакута не стал озвучивать ответ, но не потому что не нашел его, а потому что уже определился внутри себя.

Встреча с матерью заставила его встревожиться.

Он пропустил это эхо через разум. Его тело уже знало об этом. Он чувствовал, как ударные волны шока распространяются по нему, пронизывая каждый дюйм тела, как будто они проносились по венам и отягощали его.

Он стал хуже видеть.

Было трудно дышать.

Отрешившись от сковывающих эмоций, Сакута пошел прочь.

Часть 3

Поезд от станции Фудзисава был так пуст, что почти никто не вставал на выход. Утренний ажиотаж прошел, а для обеда было еще слишком рано.

Атмосфера в поезде стояла по-настоящему непринужденная.

В вагоне стоял только Сакута. Вокруг были свободные места, и он легко мог найти место. Все любили сидеть по углам, но несколько свободных мест там все еще оставалось.

Но он даже не задумывался об этом.

Слишком нервничал.

Он прислонился к окну сбоку от дверей, наблюдая за проплывающим мимо пейзажем и делая все возможное, чтобы направить свой разум вовне.

Копаться глубоко в себе — значит, столкнуться со стрессом в глубине своего естества и выяснить, что именно его вызвало.

Но одного взгляда в окно было мало, чтобы позабыть нервность из-за того, что он снова увидит мать.

Доказательством этого служил ключ. Рука Сакуты в кармане крепко сжимала тот самый ключ, что прошлым вечером подарил ему отец перед уходом. Он вдел его в брелок вместе с ключом от квартиры в Фудзисаве, чтобы точно не потерять.

Он понял, что мертвой хваткой вцепился в ключ, когда поезд прибыл на станцию Йокогама, и вышел. Он попытался взять свой железнодорожный проездной и обнаружил, что след от ключа отпечатался на ладони. Такое трудно не заметить.

Как и накануне, он проехал одну станцию по линии Кэйхин-Тохоко, затем пересел на линию Йокогама в Хигаси-Канагава. До места назначения оставалось всего десять минут.

Новый вагон был еще более пустым, чем на линии Токайдо, но он снова даже не подумал сесть. Напряжение внутри слишком сковывало, и он подумал, что стоя чувствует себя немного лучше.

Поезд сделал несколько остановок, но мало кто садился или выходил. Без шума или суеты поезд добрался до станции Кодзукуэ.

Двери открылись, и он выскользнул через щель, первым сойдя на платформу. Он сбежал вниз по лестнице, добравшись до ворот раньше всех остальных.

Выйти через южный вход, спуститься к главному проходу, затем некоторое время двигаться по нему.

Таким путем он шел вчера.

Тогда он тоже нервничал.

Но совсем не так, как сейчас.

Чем ближе к дому, тем более прерывистым становилось дыхание.

Воздух все поступал в легкие, но он не получал из него кислорода.

Он не мог больше вдыхать, не выдыхая, и это расстраивало его, сбивало весь ритм дыхания.

Он шел медленнее, пытаясь взять эмоции под контроль, но ноги становились ватными, и он едва мог идти. Как будто это было не его тело. Словно кто-то другой контролировал ситуацию.

Он увидел ориентир и свернул направо в переулок. Еще пять метров, и он доберется до здания, в котором жил отец. Он уже видел стены.

Еще четыре метра. Три. Два... Теперь он мог видеть вход. И там...

— Ах!..

Вздых удивления сорвался с его губ.

Два человека выходили из здания. Он знал их обоих.

Одной из них была Каэдэ.

А другая — его мать.

Каэдэ цеплялась за руку матери, болтая без умолку.

Казалось, она прекрасно проводит время. Ухмыляется во весь рот.

Мать тоже улыбалась.

Наверное, они собрались за покупками. Приближаясь к главной дороге, они повернулись к Сакуте.

Когда они подошли ближе, он смог их услышать.

— Крокеты нужно начинать с варки картофеля, так?

— Да, а когда он полностью сварится, смешиваешь его с обжаренным говяжьим фаршем и луком.

Они были почти рядом.

— Их долго готовить?

— Но сегодня ты мне поможешь, Каэдэ.

— Хорошо! Я буду стараться!

Они были совсем рядом. Менее чем в трех метрах от него.

Сакута неподвижно стоял посреди аллеи. Неважно, насколько они были увлечены темой, если бы они могли его видеть, давно бы увидели. Они бы посмотрели на него. Было бы очень странно не посмотреть.

Здесь не было никого, кроме них троих. Каэдэ с матерью не очень-то выделялись на общем фоне, как и Сакута.

Но они просто прошли мимо него, болтая о крокетах. Так непринужденно, как будто его вообще не существовало.

Он повернулся, наблюдая, как они удаляются.

Он открыл рот, пытаясь позвать их.

— ...

Но слова не вылетали изо рта. Он не мог заставить себя произнести их имена.

Он просто стоял посреди переулка и смотрел, как сестра и мать заходят за угол и исчезают. Просто смотрел, как они уходят.

Именно тогда его охватил страх. Он почувствовал, как в животе зарождаются щупальца страха, опутывающие все тело.

Пытаясь избавиться от него, он повернул обратно к старому жилью рабочих. Вбежал по лестнице на третий этаж.

Он остановился только у двери с надписью АЗУСАГАВА.

Тяжело дыша, он воспользовался ключом, который отец дал ему накануне. Перешагнув уставшими ногами порог, он неловко снял обувь, не в состоянии поставить ее ровно.

Он был здесь только вчера.

Они сидели вчетвером в этой гостиной.

Впервые за два года вместе.

Вчера в комнате стоял незнакомый запах, а сегодня все было наоборот.

Они снова были теплой, любящей семьей.

Всего на один день, но день, который имел значение.

Он отказывался верить, что причина в этом. Такой момент никогда бы не вызвал «Подростковый синдром».

И все же он не мог представить, что еще может стоять за ним.

То, что случилось, должно было произойти вчера, когда они снова увидели мать.

Чувствуя укол вины, словно пробрался в чужой дом, он открыл раздвижные двери и вошел в соседнюю комнату.

Голая комната, на полу татами.

Пара футонов, сложенных в углу. Должно быть, здесь спали Каэдэ с матерью.

Единственным предметом здесь был старый комод с зеркалом.

Сакута нашел тетрадь перед зеркалом. Такой же он пользовался в школе. Стандартная ученическая тетрадь с линовкой.

На обложке не было подписи, поэтому он не знал, что внутри, пока не открыл ее.

Но как только он это сделал, то понял, что это дневник матери.

Аккуратные буквы на каждой странице, написанные почерком, который он едва узнал.

Первая запись была сделана более двух лет назад. Даты часто прыгали, оставляя промежутки длиной в месяц.

Длина записей тоже была разной. Некоторые заполняли всю страницу, другие одну-две строчки. Последних было большинство.

Над Каэдэ издеваются, а я ничего не могу сделать.

Я подвожу собственную дочь.

Так было написано на первой странице.

И это сильно задело его.

Сакута никогда не слышал, что она когда-либо выражала свои чувства вслух. Учитывая симптомы «Подросткового синдрома» Каэдэ, времени на то, чтобы просто посидеть и все обсудить, не было.

И только теперь, когда все было написано здесь, перед ним... на него обрушилась вся тяжесть.

Каждая запись была наполнена сожалением и показывала, что мать была в полной растерянности, не зная как помочь Каэдэ.

Первая половина дневника была угнетающей.

Я никогда не была матерью.

Что могло заставить человека написать такое?

Ни до, ни после этого ничего подобного не было. В горле застрял комок. Сакута почувствовал, как что-то темное тянется к нему с пола, угрожая утянуть вниз.

Я сказала Каэдэ, что все будет хорошо.

Но ничего хорошего нет. Но что еще я могла сказать?

Я ужасная мать.

Каждое слово словно кол в сердце. Боль в груди отозвалась эхом во всем теле.

Но он не отводил глаз. Не запрещал себе читать дальше. Возможно, точнее было бы сказать «не смог запретить».

Он дошел до второй половины, и записи стали меняться.

Я скучаю по Каэдэ.

Я хочу сказать ей, как мне жаль.

Хочу быть ей настоящей матерью.

Сакута хотел узнать больше об этих чувствах. Хотя бы для того, чтобы облегчить угрызения совести из-за подглядываний за темными моментами жизни матери в надежде, что все закончится на более светлой ноте.

Но им двигало и совсем другое, его собственное негативное чувство.

Что-то стало слишком очевидным.

Явное беспокойство, родившееся из слов второй части дневника.

То, о чем в дневнике матери не упоминалось.

Ни разу.

Сначала это было небольшое сомнение, но чем больше он читал, тем сильнее оно становилось. Когда наступило 15 марта — то есть вчера — сомнение стало уверенностью.

Каэдэ стала такой замечательной девушкой.

Она очень выросла.

Я так счастлива.

На этот раз я готова стать для нее матерью.

Каэдэ сказала, что мы можем быть вместе.

Мы будем жить втроем. Я была бы рада.

Я должна это сделать.

— ...

Он не знал, что сказать.

Он не чувствовал ничего особенного.

В дневнике матери отсутствовало одно имя, оно ни разу не упоминалось.

И это имя было «Сакута».

Он не был уверен, когда это началось.

Но при виде записей в дневнике все стало ясно.

Вчера.

Ему не привиделось.

Это не было совпадением. Это произошло не просто так.

Теперь он заметил. Он знал.

Правду.

За весь день ее глаза ни разу не встретились с его глазами.

Ни разу.

Ее глаза совсем не видели его.

Ее улыбка ни разу не была адресована в его сторону.

Каждая улыбка матери предназначалась Кэздэ или отцу.

Это все объясняет...

По позвоночнику пробежал озноб.

Сердце затрепетало, задрожало от холода.

Не потому что мать не могла его воспринимать.

Это было не так уж важно.

Сакуту пугало то, что они были вместе несколько часов, а он даже не заметил, что она ни разу не произнесла его имени. Он был там, вел себя как член семьи, не замечая, что собственная мать не видит его.

Как давно это началось?

Как давно она в последний раз воспринимала его?

С каких пор она забыла о его существовании?

А он вел себя как обычно, даже не подозревая об этом.

Он был убежден, что счастлив.

Неважно, сколько прошло времени.

Не было смысла размышлять о прошлом.

Главным было здесь и сейчас.

Что он чувствовал к матери?

Какие эмоции испытывал Сакута?

Это казалось гораздо более важным.

Нодока однажды спросила его: «Что ты чувствуешь к своей маме?»

Сакута что-то ответил ей. Возможно, что-то глупое, вроде «Я думаю, что она моя мама». И тогда он говорил серьезно. Он не лгал.

— Должно быть что-то еще. Люблю их, ненавижу, терпеть не могу, хочу, чтобы они от меня отстали и так далее.

Он ответил: «Наверное, все вместе». У Нодоки были свои собственные проблемы, связанные с мамой, так что он почти наверняка отыгрывал роль.

Но это было не все.

Он мог признаться в любви или ненависти к кому-то только после того, как искренне прочувствовал это. Лишь после того как эти эмоции прошли через него, были отработаны, вышли вон и остались в прошлом.

В лучшем случае Сакута уже смирился с отсутствием матери. Но это, скорее всего, неправда. Скорее... он отгородился от нее. Убедил себя сдаться.

Он и новая Каэдэ переехали в Фудзисаву, и со всеми проблемами он справился самостоятельно, это было в его силах. Он решил, что ничего не может поделать с состоянием матери, и заблокировал все мысли о ней. Неосознанно отрезал ее от себя. Отказался от нее.

И два года спустя отсутствие матери стало для него нормой. Он привык к этому, даже находил удобным.

Вот почему он не знал, как вернуться. Как снова поговорить с ней. У него не было ответов на эти вопросы. Вот почему это происходило с ним.

А она даже не могла его видеть. Не могла понять, что он там. Мир осознал их проблему и изменил себя соответствующим образом. Теперь никто не мог сказать, что Сакута существовал.

Это доказывало, что восприятие матери не было ошибочным. Благодаря этому их отношения были свободны от всякого обмана.

Она привела Сакуту в этот мир.

И если она не могла его воспринимать, то его действительно не существовало.

Ноющая боль пронзила бок. Как раз в том месте, где новый шрам обвивал живот. Он задрал рубашку, и белый след все еще был там, от бока до пупка.

А может, и наоборот. Учитывая ситуацию, он, вероятно, начинался от пупка.

В месте, где при рождении был связан с матерью.

Он дотронулся до шрама, но ничего не почувствовал, словно боль была лишь в его сознании.

Прежде чем мрачные мысли смогли захлестнуть его еще больше, он тихо закрыл дневник матери и положил его на место у зеркала, где нашел.

— Это совсем не смешно, — сказал он, но не смог удержаться от смеха.

Он испустил долгий-долгий вздох, за которым ничего не стояло.

Его сердце молчало.

Оно как будто даже не билось.

Казалось, он неплохо справлялся с жизнью в Фудзисаве. Жить отдельно от родителей, вдали от единственного дома, который он когда-либо знал, начать все сначала в том месте, где они никого не знали. Возможно, у него не все получалось, но он поставил себе проходной балл.

Он хорошо справился.

И никогда не сомневался в этом.

Но за этим самодовольством стояла жертва. Он заработал этот проходной балл ценой существования матери.

— Можешь ли ты обвинять меня?..

Какой у него был выбор?

Его эмоции взметнулись черным вихрем. Кружась внутри, они терзали, не давая опомниться.

Это не было сожаление о сделанном выборе. Он сделал все, что мог. Он страдал, мучился и плакал о том, чего не мог сделать, но знал, что принял это, преодолел и стал тем, кем является сегодня.

Он понял, что истинное счастье заключается в маленьких радостях жизни, и стал стремиться к доброте. Он знал, что по-настоящему важно, и у него были люди, которые важны для него.

Но теперь до него дошло, что, возможно, это была ошибка. Ему было брошено прямо в лицо то, с чем он не мог просто смириться.

Ему хотелось верить, что он сделал правильный выбор, что он не совершил ничего плохого. Но он почувствовал, что это желание было признаком более глубокого недостатка, и это тревожило его.

Одобрить свои действия означало признать, что он отрезал от себя мать.

— ...

Разобраться в собственных эмоциях было невозможно. Полностью смириться с любой стороной этого вопроса в данный момент тоже выше его сил. Он не мог решить, в какую сторону направиться, и ноги оставались приклеенными к татами.

В конце концов, со стороны входа послышался шум. Щелкнул замок, и голос оповестил:

— Мы дома.

Вошла Каэдэ, шурша пакетами с продуктами.

Сакута вернулся в гостиную и увидел, что мать и сестра ставят на обеденный стол сумки, полные продуктов.

— Это было так тяжело, Каэдэ. У тебя руки не устали?

— Я справлюсь!

— Ты стала сильной.

— Любой в моем возрасте может столько унести!

Пакеты были полны картофеля, фарша и лука. А еще сухари, мука, яйца, соус тонкацу, даже салат и помидоры. Мама уже указывала Каэдэ, что нужно положить в холодильник.

Когда они все разложили, та спросила:

— Может, начнем?

— Хорошо!

Каэдэ заулыбалась, и мама надела на нее фартук.

— Я сама могу завязать! — запротестовала Каэдэ, но даже не пыталась ее остановить.

Они приступили к готовке.

Ингредиенты для крокет нужно было подготовить.

Сначала они помыли и почистили картофель. Каэдэ взяла нож для чистки картофеля, в то время как мать плавно счищала всю кожуру одним движением ножа.

— У тебя так хорошо получается, мама!

Каэдэ сравнила свою работу с маминой. Ее картофель был весь неровный.

— Если ты будешь чаще практиковаться, то быстро добьешься такого результата.

Мама улыбнулась, довольная дочкиной похвалой.

Когда картофель был очищен, они нарезали его на кусочки, чтобы он быстрее сварился, а затем положили в миску с холодной водой.

— Зачем мы это делаем?

— Так он будет вкуснее.

— Ха.

Пока картофель замачивался, они нарезали лук и обжарили его вместе с говяжьим фаршем.

Когда все было готово, они сварили картофель. Когда тот полностью сварился, растолкли его большой ложкой. Каэдэ все время повторяла:

— Он такой горячий!

Было видно, что она веселится.

Когда они добавили мясо и лук, сырые крокеты были готовы. Оставалось только сформировать шарики, запанировать их и обжарить во фритюре.

Во время работы они не прекращали разговаривать. Каэдэ никогда раньше не делала крокеты, у нее иногда что-то не получалось, но мать улыбалась и подбадривала ее. Любому было видно, как они близки.

Сакута наблюдал за этой сценой из гостиной. Никто из них не заметил его присутствия.

Они поставили вариться рис, сделали салат, приготовили все для ужина, но так и не увидели его.

Все повторилось, когда Каэдэ помогала снимать белье с вешалки на балконе. Они сидели вместе, смотрели вечерние новости и ждали, когда отец вернется домой, и никто из них не подозревал о существовании Сакуты. Никто из них никак не упоминал его.

Отец вернулся чуть позже шести. Они втроем сели за стол в столовой и ели на ужин крокеты.

— Они вкусные.

— Не то слово!

— Каэдэ очень усердно трудилась над ними.

Все трое хорошо провели время. Никто не сказал ничего настолько смешного, что можно бы смеяться вслух, но и папа, и мама, и Каэдэ наслаждались, счастливо улыбаясь все время.

Это была идеальная семья, которую можно увидеть в рекламе холодильника. Сакута давно надеялся, что однажды они снова смогут стать такими.

Только вот одно не сходилось.

Здесь не было места для Сакуты. И в этом заключалась вся разница.

...

Не говоря ни слова, он вышел из гостиной. Он не знал, что сказать.

Надел обувь.

Затем тихо открыл дверь и ушел так, чтобы семья не заметила.

Когда дверь за ним закрывалась, он услышал смех из гостиной.

Он достал ключ из кармана и вставил его в замок.

Секунду колебался, затем повернул ключ, как будто запирая что-то в своем сердце.

Раздался металлический щелчок.

Часть 4

Белая пена прибоя накатывала на берег, купающийся в бледном лунном свете. Волны рокотали, пытаясь утащить в море любого, кто неосмотрительно приближался. Ночью пляж был по-особому жутким.

Полная противоположность сверкающим водам, которые он видел в окно поезда тем утром. Это все еще была Шичиригахама, но как будто и не она вовсе.

Сакута не помнил, как он попал сюда из отцовского дома. Но последние два года привили инстинкт автопилота, и ноги сами собой привели его обратно.

Для него это был дом. Место, где он принадлежал себе. Дом, где он хотел быть.

И, может быть, поэтому мама меня забыла.

Он скорчил гримасу, нахмурившись.

Все это время он старался не думать о ней.

Пытался забыть и быть счастливым.

И вот результат.

Папа, мама и Каэдэ. Счастливая семья из трех человек.

Увидев их, он сбежал.

Накатила огромная волна. Она поднялась по песку до самых пальцев ног Сакуты. Он не отпрыгнул назад, не потрудился отойти в безопасное место. Такие мелочи не волновали его сейчас.

Его сердце было глубокого синего цвета, как ночной океан.

Даже в обычный день этот вид показался бы печальным и, возможно, пугающим даже Сакуте. Но сегодня все было иначе.

Наблюдение за ночным прибоем успокаивало. Казалось, он растворяется в бесконечной синеве. Это было так приятно.

Окутывать себя холодом.

Как холодными объятиями.

Позволить этому случиться, и ему больше не нужно будет думать.

Сакута полностью отдал свои эмоции океану. Их грязный вихрь смылся, получив новое обиталище.

Его сердце было отягощено грязной водой, но пребывание здесь очистило все, оставив с одной мыслью.

Улыбка той, кого он любил.

Ладно, на самом деле она не улыбалась. Она как бы злилась на него. Возможно, упрекала за то, что он не пошел к ней.

— Я скучаю по Май, — сказал он, давая волю эмоциям.

А потом...

— Дядя, вы заблудились? — раздался голос позади него.

— ?..

Обескураженный, он обернулся.

Там стояла маленькая девочка с красным кожаном рюкзаком.

Она была очень похожа на Май.

Та самая девочка, которую он встретил 1 марта.

— Я не совсем заблудился, — сказал он.

— Почему нет?

— Не ожидал такого вопроса.

— ?..

Она только наклонила голову.

— Уверена, что это ты не заблудилась? — спросил он.

— С чего бы?

— Хочу сказать, ребенку твоего возраста уже поздновато бродить в одиночестве.

— Я с вами, так что я не одна.

Эта детская логика была не слишком смешной, но Сакута все равно рассмеялся. Потом он понял, что впервые за весь день разговаривает с кем-то, и это было удивительно большим облегчением. Это тоже было странным явлением, и, возможно, смех был подходящей реакцией.

— Ты меня видишь, — сказал он.

— Вы невидимый?

— Возможно.

— Я знала, что вы потерялись!

На этот раз он не стал спорить. Потерянный — вот, конечно, подходящее слово для него. Ни цели, ни четкого представления о том, где находится дом.

— Потерялся в жизни.

— Тогда я пойду с вами домой.

Он не знал, как это понимать, но прежде чем успел спросить, она вложила свою ладошку в его руку. Маленькие пальчики сжали руку Сакуты.

Он чувствовал тепло ее ладони. Человеческое тепло. Он чувствовал тепло ее тела, мягкое прикосновение ее кожи к своей. Маленькая рука доказывала, что он все еще жив.

И морской бриз ощущался гораздо сильнее. Запах соли тоже усилился.

— Пойдемте.

Не обращая внимания на его задумчивость, девочка потянула Сакуту за руку. Он не сопротивлялся. Сделал шаг. Два, потом три, подстраиваясь под темп девочки.

Они дошли до лестницы и поднялись на дорогу. Перешли ее на светофоре и пошли прочь от воды, к станции Шичиригахана.

Они немного подождали, и когда подошел поезд, девочка села в него. Было уже десять, и поезд был пуст. Девочка потянула его к скамейке, и они сели вместе.

Она не отпускала его.

Другие пассажиры по-прежнему не могли видеть Сакуту, поэтому никто не смотрел на него странно, ведь он был с маленьким ребенком.

Поезд медленно ехал по прибрежным путям. Вагон приятно покачивался. Его глаза стали закрываться.

Он съездил в школу, потом к маме и Казэдэ. Теперь ему оставалось только вернуться домой. Еще через два часа день закончится. Он устал.

Они выходят на конечной, на станции Фудзисава.

Не было никакого риска проспать.

И с этой мыслью его сознание все глубже и глубже погружалось в дремоту.

По дороге от станции ему придется зайти в круглосуточный магазинчик. Купить немного еды на ужин. Чтобы хватило и для этой девочки.

А завтра он поедет к ней.

Даже задремав, Сакута думал о Май.

И это была последняя мысль, которая пришла ему в голову.

Но поезд, на котором он ехал, так и не добрался до станции Фудзисава.

Или, по крайней мере, Сакута так и не добрался.

Когда он проснулся, то находился не в поезде.

Он лежал в теплой постели.

<http://tl.rulate.ru/book/20190/3007963>